

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>
УДК 94(47) 470.56

**ВЛИЯНИЕ СУДЕБНО-ЖАЛОБНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ОДНОДВОРЦЕВ НА
НАКАЗАНИЯ ЧИНОВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ С НАЧАЛА
XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

К. Б. Кудланов

*Курская академия государственной и муниципальной службы,
ул. Станционная, д. 9, Курск, 305044, Россия*

Аннотация

Введение. В настоящей статье исследуется установление влияния жалоб и судебных разбирательств однодворцев на наказание отдельных чиновников Центрального Черноземья с нач. XVIII по сер. XIX века. Задачи исследования состоят в изучении различных методов преодоления однодворцами вакуума региональных злоупотреблений и следовавших за ними наказаниями нечестивых чиновников, а также в выявлении совершенствование системы на примере земельного судопроизводства между XVIII и XIX веками. **Материалы и методы.** В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. **Результаты.** В исследовании автор показывает попытки однодворцев преодолеть региональный вакуум чиновнических злоупотреблений. Причём освещаются случаи как с безуспешным, так и благоприятным исходом. Вместе с этим в статье приводятся примеры обращений потомков служилых людей по поводу своих земельных споров в различные уровни власти, включая губернатора, министерства, Сенат и даже самого императора. Затем исследователь показывает множество случаев наказания чиновных лиц, которые классифицируются в соответствии со строгостью взысканий. Наконец, автор представляет несколько областей судопроизводства и управления однодворцами, которые со временем явно подверглись совершенствованию. **Заключение.** В ходе работы над статьёй исследователь заключает, что однодворцы нередко выигрывали дела о спорной земле с помещиками и чиновниками, особенно после учреждения Министерства государственных имуществ. Жалобы потомков служилых людей тоже часто достигали своих адресатов. Следствием озвученных процессов являлось то, что наказания предстоящих «у дел» постоянно прослеживались, причём затрагивали практически все уровни власти. В этой связи нельзя свидетельствовать о полной безнаказанности предстоящих «у дел». В целом же со временем перечень методов поддержания вакуума чиновнических злоупотреблений постепенно уменьшался. Одновременно с этим процессом, однако, шло совершенствование и изобретение новых методов преступлений.

Ключевые слова: однодворцы, чиновники, предстоящие «у дел», помещики, захваты, завладение землёй, землевладение, Центральное Черноземье.

Для цитирования: Кудланов, К.Б. (2024). Влияние судебной-жалобной инициативы однодворцев на наказания чиновников Центрального Черноземья с начала XVIII по середину XIX века // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>

Статья поступила: 10.11.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Кудланов К., 2024

THE INFLUENCE OF THE JUDICIAL COMPLAINT INITIATIVE OF ONE-COURTYARD PEOPLE ON THE PUNISHMENT OF OFFICIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION FROM THE BEGINNING OF THE XVIII-TH TO THE MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY

Konstantin Kudlanov

Kursk Academy of State and Municipal Service,
St. Stationnaya, 9, Kursk, 305044, Russia

Abstract

Introduction. This article explores establishing the impact of complaints and lawsuits of one-courtyard people on the punishment of individual representatives of the bureaucratic apparatus of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII century to the middle of the XIX century. The objectives of the article consist of studying various methods of overcoming the vacuum of regional abuses and the punishment of impious officials that followed them, as well as identifying the improvement of the system using the example of landed justice between the XVIII-th and XIX-th centuries. **Materials and methods.** In the process of working on the study were used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographical analyzes. **Results.** In the study, the author shows the attempts of smallholders to overcome the vacuum of bureaucratic abuses in the regions. Moreover, both unsuccessful and cases with a favorable outcome are covered. At the same time, the article provides examples of appeals by the descendants of service military people about their land disputes to various levels of government, including the governor, ministries, the Senate, and even the emperor. Then the researcher shows many cases of punishment of officials for their abuses, which are classified according to the severity of the penalties. Finally, the author presents several areas of judiciary and administration of one-courtyard people, which have clearly undergone improvement over time. **Conclusion.** In the course of working on the article, the researcher concludes that the smallholders often won disputes over the land with landowners and officials, especially after the establishment of the Ministry of State Property. Complaints of the descendants of military service people also often reached their addressees. The consequence of the latest processes was that the punishments of the upcoming «cases» were constantly monitored, and affected almost all levels of government controlled. In this regard, it is impossible to state the complete impunity of the bureaucracy. On the whole, over time, the list of methods for maintaining the vacuum of bureaucratic abuses gradually decreased. However, at the same time with this process, there was an improvement and the invention of new methods of bureaucratic abuses.

Keywords: one-courtyard people, smallholders, officials, upcoming «in business», landowners, seizures, land acquisition, land ownership, Central Chernozem region.

For Citation: Kudlanov, K. (2024). The influence of the judicial complaint initiative of one-courtyard people on the punishment of officials of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII-th to the middle of the XIX-th century. In *History: Facts and Symbols*, 1 (38), 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>

Received: 10.11.2023

Revised: 02.08.2024

Published: 15.03.2024

© Kudlanov K., 2024

1. Введение

Вечно злободневный вопрос добропорядочности чиновничьего аппарата в данной статье рассматривается в плане обратной связи правительства с однодворческим сословием, которая в том числе способствовала самоочищению системы регионального управления. В исследовании рассматриваются как безуспешные попытки выхода из вакуума чиновнических злоупотреблений, так и положительный исход подобных предприятий. Помимо этого, довольно-таки много внимания настоящего исследования автор уделяет наказанию злочестивых чиновников, которые проходили не без ходатайства представителей однодворческого сословия.

2. Материалы и методы

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общих проволочек системы государственного судопроизводства; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (определённые примеры злоупотреблений со стороны предстоящих «у дел» и наказаний за них) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления способов преодоления вакуума региональных злоупотреблений, а также мер наказаний чиновников. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности оценки эффективности обратной связи правительства и однодворцев. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных примеров как попыток выхода из судебно-жалобной региональной волокиты, так наказаний злочестивых чиновников. Историко-генетический метод раскрывал изменения отношения правительства к одним и тем же явлениям в соседних XVIII и XIX веках. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место вакуума региональных злоупотреблений и наказания злонамеренных чиновников в ретроспективе всей истории однодворческого сословия.

3. Результаты

Известно, что с нач. XVIII до середины XIX вв. у отдельных своекорыстных чиновных лиц по некоторым местам ЦЧ получилось создать и поддерживать вакуум региональных злоупотреблений. Следствием этого порока системы являлось то, что довольно-таки справедливые и грамотные постановления из высших государственных инстанций на местах часто не выполнялись. Более того, он же препятствовал честным чиновникам в регионах полноценно исполнять свои обязанности. От него же вышестоящая власть не была полностью осведомлена о происходящем на местах. Таким образом, упомянутый вакуум создавал параллельную реальность, вредную для государственного устройства.

В целом, общая волокита и медленность судопроизводства имела две природы: преднамеренную и естественную. О существовании последней свидетельствует то, что она касалась однодворцев, даже в тех случаях, когда привилегированным сословиям от неё не было никакой пользы. Злонамеренные же лица для своей выгоды дополнительно её усугубляли и часто примешивали к ним ряд преднамеренных проблем. Одним таким пороком

являлся вакуум региональных злоупотреблений. Последняя создавалась на основе умышленного использования строгой иерархии власти, медленности управленческой системы и крепкую социальную связь предстоящих «у дел» и помещиков. Противодействие этому искусственному пороку состояло в том, что упомянутые обстоятельства подталкивали однодворцев искать справедливости в более высоких инстанциях государственного уровня, или хотя бы губернского. Однако, как и земное притяжение местный вакуум нужно было сначала преодолеть, и не у всех это получалось. Ниже приведём несколько примеров подобных безуспешных действий.

Наказ однодворцев Валуйского у. отражает множественные попытки жалоб об «обидах и разорениях» в различные государственные коллегии. Из последних, однако, их челобитные вновь переслали в Белгородскую губернскую канцелярию, которую обязывали провести расследование. Благодаря дурной славе, о судебной волоките и осведомлённости о крепких социальных связях их притеснителя, однодворцы прекрасно осознавали, что в регионе «действительного решения» им не найти. Последняя надежда возлагалась на комиссию, которая должна была, наконец, разобраться в том, что на местах воеводы, секретари, канцелярские служители чинят произвол над однодворцами и не признают ни постановлений «судебных мест», ни «указов» [22, с. 127].

Подобная безуспешная попытка сразу выйти на высшие региональные инстанции представлена и в следующем примере. Так, 18 февраля 1858 г. в курском губернском правлении рассматривали жалобу государственного крестьянина В.Т. Денисова из д. Денисовой Щигровского уезда. В ней указывались неправомерные действия фатежского станового пристава Покатина, который, по их мнению, был виновен «в отдаче по закладной во временное владение» почётному гражданину Николаеву «земли его Денисова с посеянным на оной хлебом и неправильное составление той земли описи». Учитывая, что подобные жалобы по регламенту сначала приносились «земскому суду или исправнику, а потом в губернское правление» дело перенаправили в более низкие инстанции [12, л. 32]. Таким образом, и эта попытка сразу найти беспристрастный суд, только уже в высших эшелонах региональной власти тоже не увенчалась успехом.

Правда, нужно отметить, что силу местного притяжения однодворцам не удавалось пройти не только из-за чьей-либо частной злонамеренной воли, но и общих порядков системы, построенной на строгой иерархии. Следующий пример, хотя и не касается захвата однодворческой земли, но по причине своего внутрисословного характера, ярко подтверждает написанное выше.

2 августа 1857 г. из дома государственного крестьянина Г.Ф. Чернякова с. Веденской Белицы Суджанского у. было «поваровано разного имущества, всего на 81 руб. 38 коп. серебром». Тогда же о происшествии было объявлено сельскому старшине и писарю с целью «учинить по горячим следам розыск». После которого некоторые вещи были найдены в огородах государственных крестьян М. Ковалёва и соседа И. Сухачева. Остальное не было обнаружено, но потерпевший подозревал в их краже своих соседок В. Чернякову, А. Ковалёву и М. Останкову.

6 августа Черняков обратился с просьбой к приставу третьего стана Суджанского у. «и не видя никаких действий его пристава по сему делу» потерпевший в сентябре того же года принёс на него жалобу в уездный суд. Однако, и к 14 февраля 1858 г. она не была рассмотрена, поэтому Черняков подал жалобу уже в губернское правление. В последнем было решено перенаправить дело в более низкую инстанцию, т.к. по регламенту подобные прошения сначала приносились «земскому суду или исправнику». С Чернякова же предписывалось взыскать деньги «за два листа на гербовой бумаге», которые были израсходованы на рассмотрение его дела [12, л. 43].

Таким образом, как представлялось выше, однодворцы, зная о вакууме в среде региональных чиновников, после некоторых попыток, пробовали выйти со своими жалобами

на более высокий и менее пристрастный уровень власти. Однако, часто такие потуги пресекались наверху и жалобщиков отправляли заново пройти все круги судебной волокиты.

Правда, у некоторых представителей однодворческого сословия всё-таки получалось преодолеть вышеозначенную силу регионального притяжения. Известно, что многочисленные жалобы потомков служилых людей потерпевших от захватов своей земли всё-таки доходили до центральных учреждений: Вотчинной коллегии, Военной коллегии, Юстиц-коллегии и Сената. Вотчинная коллегия, по словам однодворцев, решила дела обычно в пользу помещиков. Напротив, Военная коллегия формально держалась за потомков мелких служилых людей.

Для наглядности приведём один характерный пример. В сер. XVIII в. Военная коллегия была встревожена катастрофическим ростом недоимки в Белгородской провинции. В этой связи в 1753 г. она обратилась в Юстиц-коллегию, чтобы последняя подтвердила запрещение на продажу однодворческой земли. Одновременно с этим из фискальных соображений, она, посылая многочисленные указы в Белгородскую губернскую канцелярию о прекращении продажи земель потомков служилых людей, а также о производстве следствий над притеснениями однодворцев. Однако, эти указы, даже подтверждённые Сенатом, на местах не выполнялись [13, л. 60].

Подобный ход дел хорошо описал депутат в Уложенную комиссию 1767 г. от однодворцев Белгородской губ. Маслов. По его словам: «Бедные просители на своих обидчиков писали в Правительствующий Сенат и Военную Коллегию». Из упомянутых учреждений в 1755 г. Белгородскую и Воронежскую губернские канцелярии пришёл Указ, в котором предписывалось удовлетворить просьбу обиженных. И хотя бы дело было решено в пользу потомков мелких служилых людей [24, с. 172], местные власти вовсе не считались с этими указами Сената и Военной коллегии. Захват однодворческих земель продолжался по-прежнему, если не усилился [13, л. 59]. Так проявлялся дополнительный плачевный плод регионального вакуума – неисполнение постановлений свыше.

Следующей инстанцией, где однодворцы искали помощи, являлся сам государь. Этот процесс показательно отражён ниже. Крепостные крестьяне, по указанию своей помещицы, надворной советницы Тургеньевой, незаконно завладели более чем 500 дес. однодворческой земли возле дер. Хотемля Фатежского у., собрали с неё более 1 000 копен ржи и вырубали леса на 5 000 рублей. После разбирательства Фатежский уездный суд признал землю за помещицей, а однодворцы в 1808 г. отправили своего поверенного З. Емельянова с жалобой к императору [18, с. 57–58]. Данный случай ценен тем, что, во-первых, демонстрирует реалистичность однодворцев и нежелание продолжать судебные иски в местных инстанциях. Во-вторых, он хорошо характеризует отношение потомков служилых людей к царственным особам, которые отражены в одном их Наказе сер. XVIII в.: «...хотя государи и «защищали нас безгласных, аки овец, от похищения волков», однодворцы «получили от своих командиров наглое разорение» [3, с. 47]. Другими словами, по мнению потомков мелких служилых людей, местные чиновники не все чисты на руку, а некоторые и совсем «разорители», а вот царь – «заступник». От этого сами Наказы обращены именно к императрице [19, с. 246]. Нужно отметить, что такое мышление не являлось исключительной особенностью лишь однодворцев, но всего российского народа, в целом. Это хорошо отражено у многих исследователей [25, с. 39].

Совместно с нарративом о царе-заступнике в мышлении масс одновременно коренилось мнение о неэффективности женской власти. Например, весной 1739 г. на одном застолье пьяный однодворец Г.И. Истомин отказался выпить за здоровье Анны Ивановны. При этом он сказал: «...я де про бабье здоровье пить не стану, у нас де ныне на царстве царя нет, а баба де что знает, у бабы де волос долог, да ум короток... она де нас разоряет» [2, с. 305]. Общество объясняло преступные действия судей и чиновников тем, что царствовали женщины, которые, по их мнению, были лишены способностей для такого большого и ответст-

венного дела, как управление государством. Это настроение было довольно широко распространено. Особенно непопулярны были Анна Ивановна и её правительство. Крестьяне ругали императрицу «каналей», «собакой» и другими «непочтительными» словами. Староста Ф. Яковлев из с. Шарова Белгородской губ. обругал непечатными словами не только указ Анны Ивановны от 1731 г. о сборе недоимок, но и саму императрицу, за что он и был нещадно бит кнутом [2, с. 304].

Несмотря на такое двойственное отношение к царственным особам им продолжали жаловаться. Более того, просьба об их ходатайстве была настолько действенна, что встречались случаи, когда методы её блокировки доходили и до угроз убийства жалобщика. Наглядно это представлено на следующем примере. Так, в 1805 г. помещик Яцын незаконно завладел землёй однодворца Машкина в с. Машкиной Белицы Дмитриевского уезда. Последний же написал жалобу о случившемся императору. Когда же узнал об этом Яцын, то приказал своим крестьянам убить Машкина. Это обстоятельство побудило однодворца скрываться в г. Курске [7, л. 213]. Последняя реакция очень ярко показывает, что помещик-захватчик боялся правды и особенно наказания за неё. Следовательно, жалобы реально действовали.

Теперь же попробуем описать случаи наказания злочестивых чиновников, в том числе по причине различных судебных решений и дошедших до адресата однодворческих жалоб. И действительно роль последних в высшие государственные инстанции имела неоспоримое влияние на ход судопроизводства, т.к. у однодворцев в этом случае появлялась возможность вынести сведения о происшедшем до лица, которое было бы беспристрастно к его делу. Следствием такого подхода являлись выявление многих злоупотребителей, отстранение их от службы, а порой и арест некоторых из них. Приведём несколько примеров описанного явления. В сер. XVIII в. на ландмилицкого бригадира М.Р. Дивьера было подано 59 челобитных из-за того, что он насильственно захватил 1 633,5 четв. земли и 119 домов, расположенных в четырёх сёлах на Украинской линии, принадлежащих валуйским однодворцам и казакам. Преступление было настолько явным и получило такую большую огласку, что Военная коллегия распорядилась в 1749 г. «те земли со всеми угодья отдать прежним владельцам буде же (Дивьер – М.Р.) отдавать не станет, за то у него жалование удержать» [23, с. 99–100].

Наказания чиновников распределялись по строгости. За одни от службы отстраняли, а за другие – следовал только выговор. Начнём с представления примеров с первым исходом. Так, после жалоб ливенских однодворцев в Сенат на нападения и притеснения со стороны коллежского асессора Трубицына, последнего отстранили от должности в 1760 году [22, с. 117]. В те же 1760-е годы за злоупотребления в питейных делах лишили чина, без возможности определения к службе, товарища белгородского губернатора П. Безобразова, ранее занимавшего должность воеводы корочанского уезда. Правда, последнему через четыре года гарантировали возврат чина [17, с. 48].

Наконец, нужно отметить освобождение от занимаемой должности воронежского губернатора Пушкина в 1760 г. «по причине оказавшихся подозрений». Последние состояли в том, что воронежская губернская канцелярия не разбирала однодворческих жалоб вследствие дружественных отношений захватчика их земли Трубицына с губернатором. Правда, Пушкина отстранили без всякого штрафа, причём по его челобитной ему даже выдали жалованье, за всё время пока длилось следствие [22, с. 117]. Отстранение было справедливым, т.к. хвост преступлений губернатора тянулся ещё долго. В 1762 г. выяснилось потворство Пушкина валдмейстеру Вельямнову, который за время пребывания на своей должности всякими способами вымучил у однодворцев свыше 23 тысяч руб., из которых более половины перешло в руки главы региона. Сама следственная комиссия должна была признать, что «все те наглости и беззакония Лука Вельяминов с помощью губернатора чинил» [22, с.

118]. Кстати, после следствия валдмейстера Вельяминова тоже отстранили от должности [22, с. 117].

После другого злодеяния чиновнику также запретили дальнейшую службу. Так, в 1797 г. Правительствующий Сенат слушал дело межевой канцелярии о землемере поручике Давыдове осуждённом в «непорядочном снятии земель Козловского уезда однодворческого села Чурилова, и в отмежевании разным лицам проданных им от лица канцелярии казённых земель». После рассмотрения дела Сенат 22 июня 1797 г. приказал: «хотя землемер Давыдов... подлежал присуждённому военным судом наказанию... но поелику всё... было им соделано до... Всемиловитых манифестов судьбу преступников обличающих... и как он... из землемеров исключён и ныне находится без должности, то согласно мнению межевой канцелярии оставя ево въ нынешнем положении, впредь никаким делам не определять» [9, л. 695].

Переходя к следующей категории наказаний, отметим, что при совершении менее значимых ошибок чиновников после выговора всё же оставляли «у дел». Известен случай кон. XVII столетия, когда впоследствии многочисленных жалоб в Разрядный приказ из последнего пронскому воеводе Ракитину была отправлена «послушная грамота», извещавшая его о назначении над ним следствия. Одновременно с этим из Разряда была послана грамота в Тулу стольнику воеводе И.И. Засецкому с указом отправить в Пронск губного старосту или «из отставных дворян и детей боярских, кого пригоже, и с ним подьячего и против отписки Ляпунова пронского воеводу Ракитина расспросить». Ещё в грамоте предписывалось сотскому дать очную ставку, а «после очной ставки выслать его, Дмитрия, в иной город, куда пригоже, а выслав: сыскать про то градскими и жилецкими людьми вправду, а сыскав ехать тому сыщику и подьячему на Тулу, а Дмитрию Ракитину в Пронску велеть быть по прежнему» [15, с. 47]. Иными словами, уже до следствия, не зная его результатов, подозреваемого воеводу из Разрядного приказа предписывали оставить на том же месте. Видимо, его желали только припугнуть.

Другой случай тоже констатирует наказание чиновника с последующим продолжением его деятельности. Так, 24 марта 1746 г. Белгородская губернская канцелярия определила за «ложные за собою слова и дела государева сказывание» подьячего М. Агеева вместо кнута наказать плетью. В 1752 г. Валуйская уездная канцелярия обвиняла того же Агеева в избиении ландмилицкого драгуна Ф. Морозова, а также в грабеже денег. В том же учреждении Агеева обвиняли «в даче приводному вору К. Редкину пашпорта, по которой де вор с указных розысков в том утвердили». Наконец, Агеев был обвиняем в том, что он «валуйской градской Пятницкой церкви з дьячихою Ириною Ивановой дочерью пойман в блудном падении». Несмотря на все упомянутые злодеяния в 1760-х гг. Агеев продолжал свою государственную службу подьячего в Путивльской воеводской канцелярии [14, л. 216–218].

Мягкость наказания подтверждается и в следующем случае. Известно, что «со стороны Рыльского уездного суда имелось упущение по делу о крестьянине Бондареве, при производстве которого Свиблоцкий был секретарём». Последний за свою ошибку отделался выговором, а 9 декабря 1841 г. уже коллежский регистратор И.П. Свиблоцкий просил об утверждении его в должности столоначальника [8, л. 45]. Следовательно все перечисленные случаи относились к той категории преступлений, которая классифицировалась в качестве несущественных. И действительно никто не может работать совершенно без ошибок.

Таким образом, несмотря на мягкость взысканий по отношению к злоупотребителям, нельзя заявить о полной безнаказанности чиновничества. Нужно отметить, что даже представители высшей аристократии при захватах однодворческой земли не были застрахованы от наказаний. Ведь жалобы в столичные инстанции нередко касались и их. Об интересном факте заступничества высшего чиновничества и самого императора за однодворцев во время их земельного конфликта с представителем аристократии написано в статье Н.А. Касинова [16, с. 60]. Автор рассматривает исторический прецедент во второй пол. XVIII в. в од-

ном однодворческом селении Саратовского края, расположенного на стыке границ Тамбовской и Воронежской наместничеств. Случай настолько примечателен, что ему стоит уделить особое внимание.

Во втор. пол. XVIII в. у однодворцев с. Свинухи несправедливо забрали 800 дес. земли, с горячей руки отрезав её фавориту графу А.Р. Воронцову. После длительных жалоб на высочайшее имя от однодворцев за них заступился земляк, выходец из саратовских дворян и просто честный чиновник П.Х. Оболянинов¹. Сторону потомков мелких служилых людей тоже утвердительно занял император Павел I. На этот парадокс, выходящий из материалистических рамок, марксистская теория «борьбы классов» не ответила бы вразумительно, потому что причины описанного явления кроются в совокупности личностного и нечеловеческого факторов [16, с. 62].

К личностному фактору нужно отнести честность Оболянинова, а также общеизвестную любовь Павла I, с одной стороны, к справедливости, а с другой – к щедрости [5, с. 212–216; 21, с. 121]. К фактору промысла Божия в этом деле нужно отнести влияние международной политической конъюнктуры. Ведь если смотреть в данное событие глубже, то именно тогда произошёл разлад между Англией и Россией, сблизивший последнюю с Францией [1, с. 99]. Воронцовы же относились к английской партии [20, с. 224]. Возможно отобрание у графа в пользу однодворцев этих 800 дес. земли, которые высокопоставленному вельможе не были ничем не замещены, являлось для него монаршей немилостью [16, с. 64]. На наш взгляд, такая совокупность обстоятельств вполне могла повлиять на решение дела в пользу однодворцев.

Следовательно, произошедший факт в с. Свинуха доказывает, что случаи, когда чиновники занимали сторону потомков мелких служилых людей в их спорах с «сильными мира сего» имели место исторической действительности [16, с. 65]. В исследовании Н.А. Благовещенского тоже имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что однодворцы довольно-таки часто выигрывали дела о спорной земле с помещиками [4, с. 176, 224, 307]. Особенно увеличилось число этих бюрократических побед после учреждения Министерства государственных имуществ (далее – МГИ). Последнее вело активную политику в направлении уменьшения захватов, в том числе в сфере размежевания государственных земель от частных лиц [6, с. 178]. Косвенные подтверждения данному процессу мы наблюдаем в речах Тургеневского персонажа однодворца Овсянникова. Правда, последний причину этого явления усматривал не в совершенствовании бюрократической системы, а в «обмельчании дворянства» [26, с. 107].

Таким образом, постепенное частное «закручивание гаек» управленческого аппарата, начавшееся при Павле I, доросло до комплексных мер учреждения МГИ. Хорошо это прослеживается на примере несправедливых арестов однодворцев для длительного держания под караулом, отрывающего их от сельскохозяйственных работ. Озвученная мера часто использовалась для того, чтобы склонить потомков мелких служилых людей к решению, которое было желательным для злонамеренных чиновников. Например, в 1840-х гг. для того, чтобы вызвать однодворца Ф.А. Горяинова на дознание к фатежскому окружному начальнику курское губернское правление прежде уведомляло курскую палату государственных имуществ [10, л. 832–833]. Конечно, борьба с несправедливыми задержаниями прослеживалась и ранее, но она в то время всё же имела частный, а не системный характер. Один такой случай нам удалось зафиксировать, когда 11 октября 1760 г. в старооскольскую воеводскую канцелярию был прислан приказ о том, чтобы однодворцев Л. Тетюрева, С. и М. Улубушевых из д. Улыбушевой Старооскольского у. «буде до них таких дел, по коим держать долж-

¹ 2 февраля 1800 г. император Павел I назначил Петра Хрисанфовича Оболянинова (1752 – 1841) генерал-прокурором Сената. Последний имел вспыльчивый, грубый и невоздержанный нрав, однако, взяток совершенно не брал.

но, не касаясь, немедленно ис под караула освободить. А когда состоят в произвождении от них дела, оныя с описми, оставя копии, к рассмотрению прислать в Губернскую канцелярию». В последнюю о потомках служилых людей ходатайствовала однодворческая канцелярия [14, л. 284]. Следовательно, со временем перечень методов поддержания вакуума чиновнических злоупотреблений постепенно уменьшался.

Совершенствование системы прослеживалось и в следующей сфере деятельности. Она отчётливо видна на примере пресечения попытки содействия чиновником помещику во время размежевания с однодворцами, который прослеживался в Рыльском у. во втор пол. XIX века. Там государственные крестьяне из д. Поповы Лежачи через своего поверенного Ф. Князева дали окружному начальнику Шпекину добровольное согласие на размежевание с соседними помещиками. Однодворцы думали, что следствием ожидаемого процесса будет прирезка к их обществу 36 дес. 215 саж удобной земли. Однако, они не предполагали о смене окружного начальника, который в предстоящем размежевании склонился на сторону помещиков. Когда уездный землемер Богуславский на месте показал однодворцам, что из 36 дес. 215 саж. земли, которую им следовало прирезать, только 10 дес. будет удобной, то они в своём прежнем решении попятиться назад. Всем управленческим инстанциям государственные крестьяне начали говорить, что добровольно не соглашались на размежевание, а документы, подтверждающие их согласие – поддельные. В 1843 г. началось расследование, к которому, несмотря на незначительность масштабов дела, для выяснения деталей были привлечены Рыльский уездный суд, Курская палата государственных имуществ, губернское правление, губернатор и даже Сенат. По итогам расследования виновным оказался окружной начальник Могилянский, которому сделали выговор «за нерадение по службе» [11, л. 202–235].

Данный пример поражает своей контрастностью с методологией решения земельных споров с предыдущим XVIII столетием. Здесь для рассмотрения дела о 36 десятинах земли было задействовано множество уровней власти и, главное, в итоге виновным оказался уездный чиновник. Напомним, что в XVIII в. прирезки сотен десятин однодворческой земли ставались наверху незамеченными [3, с. 87].

4. Заключение

Подводя итог настоящей статьи, о пороке системы отметим то, что довольно-таки справедливые и грамотные постановления из высших государственных инстанций часто не исполнялись в среде некоторых злочестивых региональных чиновников. Когда их преступления направлялись в сторону однодворцев, то встречало достойное сопротивление по причине менталитета последних, формировавшегося от воинственного характера и образованности. Поэтому потомки служилых людей довольно-таки часто отстаивали свои интересы в законном, т.е. судебно-жалобном порядке. Чиновники и помещики всячески противодействовали означенной инициативе однодворцев. Рано или поздно последние осознавали малую эффективность местной судебной волокиты и начинали поиск справедливости в высших и беспристрастных инстанциях. Нередко им удавалось преодолеть вышеупомянутый региональный вакуум и их предприятия заканчивались успехом, а обидчика – наказывали.

Однако, дополнительными горькими плодами наличия регионального вакуума являлись как изначальное неисполнение высших постановлений, так и последующее. В этом плане часто встречались случаи, когда изданные в пользу однодворцев указы, подтверждённые Сенатом, на местах не выполнялись. Встречались провалы даже на уровне самой просьбы о заступничестве. В лучшем случае жалобщиков отправляли заново пройти все круги судебной волокиты. В худшем исходе таких разбирательств судящийся и жалующийся однодворец мог потерять значительную часть своего имущества. Выделим и то, что силу местного притяжения однодворцам не удавалось пройти не только из-за чьей-либо частной злонамеренной воли, но и из-за общих порядков системы, построенной на

строгой иерархии. Ей-то вместе с медленностью судопроизводства, а также крепкими социальными связями предстоящих «у дел» с помещиками и прикрывались сторонники регионального вакуума.

Нужно отметить, что разные государственные коллегии и министерства не имели одинакового уровня лояльности к жалобам однодворцев, а руководствовались в основном своими корпоративными интересами. Например, Вотчинная Коллегия решала дела в пользу помещиков, а Военная – в сторону однодворцев. Поэтому более беспристрастное исследование дела можно было найти только в инстанциях, возвышающихся над министерствами. Выделим ещё и двойственное отношение к царственным особам в среде потомков служилых людей, в котором общие надежды на царя-заступника сочетались с мнением о неэффективности женской власти. Несмотря на это просьбы о помощи к царственным особам продолжались. Последнее было вызвано тем, что личные ходатайства за однодворцев свыше являлись наиболее эффективными. Именно они находили самое яростное сопротивление у сторонников вакуума региональных злоупотреблений, что можно считать ярким свидетельством их действительности.

В исследовании мы заметили, что судебной волоките в противоположность ставилась эффективная работа системы управления, индикатором которой являлись наказания злонамеренных чиновников. С помощью жалоб и постоянного судопроизводства с участием однодворцев региональная система управления действительно проходила самоочищение. Этот процесс вполне можно назвать обратной связью высшей власти, правда, которую на местах, часто пытались прервать.

В целом же наказания чиновников в исследуемое время не были суровы. Их можно охарактеризовать как мягкое и бережное отношением к своим кадрам. Несмотря на последнее, нельзя заявить о полной безнаказанности предстоящих «у дел». Наказания постоянно прослеживались, распределялись по строгости меры взыскания с виновного и затрагивали практически все уровни власти. За преступления отстраняли от службы, за ошибки – следовал лишь выговор, а за злоупотребления – конфисковали имущество. Градация прослеживалась и в длительности наказания, т.к. одних чиновников от службы отлучали навсегда, а других – только на некоторое время. Нужно выделить постоянное совершенствование системы управления. Наиболее отчётливо оно прослеживалось при сопоставлении одних и тех же явлений в разных исследуемых временных промежутках.

Однодворцы действительно нередко выигрывали дела о спорной земле с помещиками. Особенно число упомянутых бюрократических побед увеличилось после учреждения Министерства государственных имуществ. В этом плане наиболее ярко выглядит отношение судопроизводства к объёмам захваченной земли. То, что в XVIII столетии оставалось незамеченным, то в XIX в. – уже пристально исследовалось и в случае злоупотреблений наказывалось. В ногу с общим совершенствованием системы шло уменьшение общегубернских земельных наделов на душу населения, которое существенно обостряло ожесточённость конфликтов за захваченные угодья.

Совершенствование системы прослеживалось и в уменьшении роли влияния помещиков на землепользование однодворцев, хотя некоторые причину этого явления находили в «обмельчании самого дворянства». В целом же со временем перечень методов поддержания регионального вакуума постепенно уменьшался. Однако, одновременно с этим процессом шло приспособление и изобретение новых способов чиновнических злоупотреблений.

Список источников и литературы

1. Александренко, В. (1898). *Император Павел I и англичане. (Извлечение из донесений Витворта)* // Русская старина. Т. 96. № 10. с. 93–106.

2. Алефиренко, П. К. (1958). *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века*. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 421 с.
3. Белявский, М. Т. (1984). *Одноворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг.)*. М.: Изд-во Московского университета. 268 с.
4. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко. 538 с.
5. Бошняк, К. К. (1882). *Рассказы старого пажа о времени Павла I, записанные сыном пажа* / Записал А. К. Бошняк // *Русская старина*. Т. 33. № 1. С. 212–216.
6. Дружинин, Н. М. (1946). *Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева*. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 633 с.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9202.
8. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 612.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 727.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 938.
13. ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69.
14. ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 143.
15. Готье, Ю. В. (1913). *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*. Т. 2. М.: Изд. Акад. Наук СССР. 308 с.
16. Касинов, Н. А. (2014). *Граф А. Р. Воронцов в истории села Свинухи* // *История Прихоперья и Балашёвского уезда. Сборник статей краеведов*. Вып. 4. Балашов: Николаев. С. 50–65.
17. Колотушкин, А. А. (2014). *История иницируемого государством расследования служебных нарушений белгородского вице-губернатора Б.И. Пассека* // *Приволжский научный вестник*. № 7(35). Ижевск: ООО «ПервопечатникЪ». С. 47–50.
18. Кудланов, К. Б. (2023). *Социальное развитие Курской губернии в первой четверти XIX века*. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. 197 с.
19. Лаппо, Ф. И. (1950). *Наказы одноворцов как исторический источник* // *Исторические записки*. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. С. 239–259.
20. Минаков, А. Ю. (2013). *Русская партия в первой четверти XIX века*. Москва: Ин-т русской цивилизации. 521 с.
21. Порошин, С. А. (1844). *Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича наследника престола российского*. СПб. 563 с.
22. Проторчина, В. М. (1955). *К истории воронежских одноворцов в XVIII веке* // *Известия Воронежского пединститута*. Вып. XIX. С. 107–133.
23. Рабинович, М. Г. (1976). *Положение одноворцов переселяемых в 30–50-е годы XVIII в. на украинскую пограничную линию* // *Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно)*. Минск. с. 95–104.
24. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). (1882). Т. XXXVI. СПб. с. 170–420.
25. Сухачевский, О. В. (1995). *Воронежские самозванцы* // *Краеведение. Воронеж и Воронежская область. О предшественниках Пугачёва, самозванцах, выдававших себя за царя Петра III*. Воронеж: Самиздат. С. 37–43.
26. Тургенев, И. С. (1909). *Одноворец Овсянников* // *Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов 1847–1876*. СПб.: тип. Глазунова. 385 с.

References

1. Aleksandrenko, V. (1898). *Imperator Pavel I i anglichane. (Izvlecheniye iz doneseniye Vitvorta)* [Emperor Paul I and the British. (Extract from Whitworth's reports)] in *Russkaya starina*, 96, 10, 93–106. (in Russian).
2. Alefirenko, P. K. (1958). *Krest'yanskoye dvizheniye i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka* [Peasant movement and the peasant question in Russia in the 30-50s of the XVIII century]. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ. (in Russian).
3. Belyavskiy, M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ. (in Russian).
4. Blagoveshhenskij, N. A. (1899). *Chetvernoye pravo* [Quarter right]. Moscow, Kushnerev i Ko. (in Russian).
5. Boshnyak, K. K. (1882). *Rasskazy starogo pazha o vremeni Pavla I, zapisannyye synom pazha* [Tales of an old page about the time of Paul I, recorded by the son of a page] in *Russkaya starina*. 33, 1, 212–216. (in Russian).
6. Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Moscow, I, Akademia Nauk SSSR Publ. (in Russian).
7. State archive of the Kursk region (hereinafter – GAKO), f. 1. op. 1, d. 9202.
8. GAKO, f. 4. op. 1, d. 32.
9. GAKO, f. 33. op. 1, d. 1.
10. GAKO, f. 33, op. 1, d. 612.
11. GAKO, f. 33, op. 1, d. 727.
12. GAKO, f. 33, op. 1, d. 938.
13. GAKO, f. 33, op. 1, d. 69.
14. GAKO, f. 33, op. 1, d. 143.
15. Got'ye, YU. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Yekateriny II* [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 2. (in Russian).
16. Kasinov, N. A. (2014). *Graf A.R. Vorontsov v istorii sela Svinukhi* [Count A.R. Vorontsov in the history of the village of Svinukhi] in *Istoriya Prikhoper'ya i Balashovskogo uyezda. Sbornik statey krayevedov*. Balashov, Nikolayev, 4, 50–65. (in Russian).
17. Kolotushkin, A. A. (2014). *Istoriya initsiiruyemogo gosudarstvom rassledovaniya sluzhebnykh narusheniy belgorodskogo vitse-gubernatora B.I. Passeka* [The history of the state-initiated investigation into official violations of the Belgorod vice-governor B.I. Passeka] in *Privolzhsky Scientific Bulletin*, 7 (35). Izhevsk, Pervopechatnik LLC, 47–50.
18. Kudlanov, K. B. (2023). *Sotsial'noye razvitiye Kurskoy gubernii v pervoy chetverti XIX veka* [Social development of the Kursk province in the first quarter of the nineteenth century]. Kursk, Publishing House of University Book (in Russian).
19. Lappo, F. I. (1950). *Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik* [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source] in *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 35, 239–259. (in Russian).
20. Minakov, A. YU. (2013). *Russkaya partiya v pervoy chetverti XIX veka* [Russian party in the first quarter of the XIX century]. Moscow, Institute russkoy tsivilizatsii. (in Russian).
21. Poroshin, S. A. (1844). *Zapiski, sluzhashchiye k istorii Yego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo Gosudarya Tsesarevicha i Velikogo Knyazya Pavla Petrovicha naslednika prestolu rossiyskogo* [Notes, serving to the history of His Imperial Highness the right-believing Sovereign Tsesarevich and Grand Duke Pavel Petrovich, heir to the throne of Russia]. Sankt-Petersburg. (in Russian).

22. Protorchina V. M. (1955). *K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke* [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII-th century] in *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta*, XIX, 107–133. (in Russian).

23. Rabinovich, M. G. (1976). *Polozheniye odnodvortsev pereselyayemykh v 30–50-ye gody XVIII v. na ukrainskuyu pogranichnuyu liniyu* [The situation of the single-court resettled in the 30–50s years of XVIII century to the Ukrainian border line] in *Problemy agrarnoy istorii (s drevneyshikh vremen do XVIII v.)*. Minsk, 95–104. (in Russian).

24. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. (1882). Sankt-Petersburg, XXXVI, 170–420. (in Russian).

25. Sukhachevskiy, O. V. (1995). *Voronezhskiye samozvantsy* [Voronezh impostors] in *Krayevedeniye. Voronezh i Voronezhskaya oblast'. O predshestvennikakh Pugachova, samozvantsakh, vydavavshikh sebya za tsarya Petra III*. Voronezh, Samizdat, 37–43. (in Russian).

26. Turgenev, I. S. (1909). *Odnodvoretz Ovsyannikov* [Smallholder Ovsyannikov] in *Zapiski okhotnika. Polnoye sobraniye ocherkov i rasskazov 1847 – 1876*. Sankt-Petersburg, Glazunova Publ. (in Russian).